DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-8-22
УДК 93/94

Владимир Васильев

Мифологизация истории США. I. «Американская исключительность» и «явное предначертание»

Аннотация. *В статье анализируются тенденции современной американской историографии, где на фоне методологического кризиса усиливается роль мифологизированных нарративов. Дискуссии вокруг тезиса Ф. Фукуямы о «конце истории» рассматриваются как катализатор переосмысления критериев объективности и способов интерпретации прошлого. Автор обращается к античным образам, раскрывая идеи цикличности и потенциальной «программируемости» исторических процессов, и уделяет особое внимание культурному влиянию Эллады и Древнего Рима на американскую государственность, начиная с ее зарождения. Мифологемы «американской исключительности», «града на холме» и «явного предначертания» раскрываются как ключевые элементы гражданской религии и основы национальной идентичности американцев.*

Ключевые слова: *историография США, нарративизм, мифологемы, Ф. Фукуяма, конец истории, американская исключительность, град на холме, явное предначертание, Клио, цикличность исторических процессов.*

Публикация в конце 1980-х — начале 1990-х годов работ Ф. Фукуямы (в тот период сотрудника Государственного департамента США), объединенных общим названием «конец истории» и вызвавших огромный резонанс в академическом мире США и международном сообществе в целом, имела следствием в том числе результат, на который вряд ли рассчитывал сам автор.

Следует заметить, что выражение «конец истории» создавало путаницу и вводило в заблуждение. Такая оценка благоприятного для США исхода почти полувековой конфронтации с СССР, временами ставившей мир на грань глобальной ядерной катастрофы, могла быть воспринята по меньшей мере двояко. Ясно, что речь шла просто об окончании периода американской (и мировой) истории, который прочно вошел в летописные анналы как холодная война. Но такое понимание поворотного момента в конце XX в. было бы слишком обыденным и приземленным, не говоря о том, что имело явный оттенок очевидности. И Ф. Фукуяма, достаточно искусственно пристегнув к, по сути, «информационному меморандуму» внешнеполитического ведомства США философию истории Г.В.Ф. Гегеля и исторический материализм К. Маркса, внес немалую сумятицу в теоретические построения американских философов и политологов для которых ев-

Сведения об авторе: *ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.*

ропейские традиции диалектического понимания хода исторических и экономических процессов были совершенно чужды именно по причине того, что историческая эволюция США как страны «Нового света», в корне отличалась от становления общественно-исторических формаций европейских стран «Старого света».

Однако «сухой остаток» беспощадной критики, которой подверглись работы Ф. Фукуямы того периода [См., напр.: Рудакова] и справедливость которой он впоследствии признал [1], свелся к одному чрезвычайно интересному следствию, за который ему должны быть благодарны прежде всего именно американские историки. В XXI в. проблемы характера, направленности и глубинного смысла исторических процессов постепенно сместились с периферии в центр интересов и дебатов американских и западных обществоведов. Как указал в этой связи американо-британский историк (античности и раннего Средневековья) доцент М. Келли, в течение последних нескольких десятилетий «ученые приветствовали конец истории и провозглашали ее возрождение. ...В СМИ легко найти утверждения о том, что читатели и зрители «становятся свидетелями» истории (или «потребляют» ее), что определенные события, от конкурсов по поеданию пирогов до военных катастроф и природных явлений, являются «историческими». И даже государственные органы также стали частью этой тенденции: например, Сенат США в 2006 г. сформулировал официальное определение истории, согласно которому ее следует рассматривать как инструмент для понимания прошлого и решения проблем будущего» [Kelly, Rose. P. 1].

«Культурологические войны» англосаксонских историков

Общий вектор радикальной трансформации американских исторических исследований в конце XX и первой четверти XXI в. заключался в резком расширении круга традиционных и появлении принципиально новых теорий истории и исторических процессов. В результате в современной исторической науке США возникла ситуация методологической «Вавилонской башни», которую финский историк проф. П. Хаапала определил как «эпистемологический кризис историографии». Этот кризис «породил путаницу, неопределенность, критику бесполезного релятивизма, обвинения в политическом волюнтаризме и в конечном итоге утверждения о наступлении «эпохи постправды», во что историография также внесла свой вклад» [Haapala. P.13].

Фронтальный удар по более или менее цельным концепциям исторических процессов в США был нанесен именно на рубеже XX–XXI вв. Исходные основы, которые имплицитно базировались на представлениях о белых англосаксонских протестантах как творцах и перманентных лидерах американской цивилизации на протяжении большей части ее существования, подверглись жесткому критическому разбору в логике идеологем «критической расовой теории».

В методологическом плане на центр тяжести дебатов о смысле и направленности исторических процессов указывали споры о принципе их представления. Как излагать историю — в концептуально-теоретической форме или в виде повествования

(нарратива)? Концептуально-теоретическая форма изложения возводила историю на уровень **науки**, и на первый план выдвигалась проблема научной объективности или истинности событий и явлений прошлых эпох.

Культурологические войны, которые стали набирать обороты в американском обществе в 1990-е годы, распространились на многие сферы общественных отношений, в том числе и на историческую науку. Более того, по мнению ряда ученых (в частности британского историка Р. Приста) идеологема культурологической войны может считаться частью исторической науки, поскольку «концепция культурной войны всегда содержала в себе исторический контекст» [Priest. P. 103]. На поле исторической науки культурологические войны означали бескомпромиссное столкновение «исторических правд» о событиях и процессах, имевших место в прошлом. В перспективе это грозило распространением синдрома «конца истории» и на историческую науку как таковую. И тогда взоры сообщества историков обратились к наследию одного из самых известных мыслителей второй половины XX в., французского историка и философа М. Фуко (1926–1984), который выступил в качестве своеобразного арбитра враждующих лагерей англосаксонских летописцев.

Конечным итогом изысканий М. Фуко в области философии истории считается создание парадигмы исторического релятивизма, которую правильнее было назвать парадигмой относительности исторических знаний как таковых. Фактически Фуко отказал истории в праве называться наукой, полагая, что наукой в истинном смысле слова могут быть только естественнонаучные дисциплины, такие как математика, физика, астрономия, химия, биология и ряд других отраслей знаний о природе и мироздании. (В этом отношении французский философ был далеко не оригинален. В частности, аналогичного подхода придерживается Нобелевский комитет, который из всех общественных дисциплин причисляет к науке только экономику, да и то с рядом существенных оговорок.)

В работе «Археология знания», увидевшей свет в 1969 г., М. Фуко сформулировал критерий *объективной истины* для исторической науки, заимствованный из математики, придав ему (как и ряду других барьеров, за которые в обязательном порядке должна переступить наука, претендующая на провозглашение универсальных и общепризнанных истин) значение *порога позитивности*. Свой выбор французский мыслитель обосновал тем, что, «вероятно, существует только одна наука, в которой невозможно ни выделить эти различные пороги, ни описать подобную совокупность смещений между ними: это математика, единственная дискурсивная практика, сразу переступившая порог позитивности, порог эпистемологизации, пороги научности и формализации» [Фуко. С. 345]. И далее, в своей парадоксальной манере, Фуко подчеркнул, что математика создала практически недостижимый стандарт идеальности, поскольку зарождение математики «рассматривается не как историческое событие, а, скорее, как принцип историчности» [Там же. С. 346].

Иными словами, истина в идеале должна носить «самоочевидный характер», что абсолютно неприменимо к исторической науке, поскольку современные историки «по

определению» не могут иметь «истинного» представления и понимания событий прошлого, в которых они не участвовали и которые не переживали «эмпирически». С этой точки зрения истина в исторической науке является продуктом постоянных поисков и открытий, совершаемых каждым следующим поколением историков, и в этом плане их исследования сродни изысканиям археологов, вынужденных в прямом смысле слова «докапываться» до истин. Как указал в этой связи американский философ Дон Дир, «истина связана с историей в модальности события, что требует изучения условий его возникновения и географии его воплощения. Истина создается в определенных обстоятельствах и порождает определенный набор поведенческих моделей и ограничений. Событие-истина противостоит понятию самоочевидной доказательной истины, которую можно найти в любом месте и в любое время независимо от обстоятельств» [Deere. P. 518].

Потеря исторической наукой твердой «научной» почвы под ногами, основанной на выверенных как швейцарские часы закономерностях, применительно к истории США имело два принципиально важных следствия. Во-первых, историческая достоверность стала все больше определяться своего рода режимами истинности, основанными на «неопределенностях, вероятностях и возможностях» [Benvenuto]. Во-вторых, историческая наука все отчетливее стала обретать черты нарратива. Достоинства «нарративного понимания» состояли в том, что оно открывало большие перспективы для поколения историков, пик творческой активности которых начался в период «постправды». Они получили возможность стать *субъективными* творцами исторического прошлого, не особенно нуждаясь в обременении «достоверными» фактами и общепризнанной трактовкой смысла и направленности исторических процессов.

Начало развороту в сторону нарративизма, или так называемому лингвистическому повороту в исторической науке, было положено еще в первой половине 1970-х годов работой известного американского историка и филолога Хейдена Уайта (1928–2018) «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.» [White]. Х. Уайт сфокусировал внимание на том, что труды историков имеют четко прослеживаемую лингвистическую структуру, в рамках которой излагаемые «факты» и «события» представлены, как правило, в форме «исторического повествования», причем объединяемые такой литературной формой метафоры, ирония, синекдохи и метонимии имеют такое же, если не большее, значение для понимания логики исторических процессов [Kleinberg. P. 691]. Эта и ряд других работ Х. Уайта привели к тому, что американские историки в XXI в. сочли необходимым «внимательно изучать понятие протяженного во времени воображения как основополагающее для построения общей картины осознаваемой нами реальности» [Philosophy of History… P. 42].

Прогрессирующее усиление позиций и влияния исследователей-нарративистов в американском историческом сообществе объективно породило опасность широкого использования трактовки исторических фактов и событий в качестве снарядов и стрел в современных политико-идеологических баталиях. Главным критерием нарративной исторической истины становится то, что «она воспринимается как хорошая, правильная,

согласуясь с вашей идентичностью и эмоциями. История не существует независимо от историографического повествования о ней, и это повествование — не о прошлом, а об идентичности и эмоциях пишущих; оно неотличимо от художественной литературы» [Там же. P. 161].

Лингвистическая трактовка исторических процессов оказала неоднозначное и во многом противоречивое влияние на современную историческую науку. Американские историки, профессиональное становление которых произошло в период господства «аналитической истории», с тревогой заговорили о наступлении «эпохи поверхностной историзации», когда историческая наука потеряла теоретичность, а «широкая публика и студенты наших [американских] университетов перестали видеть причины обращаться к истории как к научной дисциплине или инструменту критики» [Там же. P. 85]. Однако историки, воспринявшие логику понимания исторических процессов Х. Уайта, по сути повернувшего американскую историческую науку к «спекулятивной философии» XIX в., наоборот, стали считать его работы «общей точкой отсчета для философов истории, занимающихся самыми разными проектами…» [Paul. P. 20].

К мифо-поэтическим истокам: в поисках прафеномена исторической науки

Западная историческая литература, восходящая своими истоками к античности, к Древней Греции, на протяжении тысячелетий существовала в мифо-поэтической форме, а в средние века была окрашена еще и в религиозные тона. Иными словами, традиционно история всегда существовала в форме нарративов. Сам термин «история», происходящий от древнегреческого слова **ἱστορία**, буквально означает «расспрашивание» и «получение сведений путем расспросов». Как замечает британо-канадский историк Д. Вулф, неслучайно «английское слово «history» (в более узком смысле понимаемое как повествование в письменной форме о Прошлом) имеет множество похожих вариантов на европейских языках: *histoire* на французском, *Geschichte* на немецком, *storia* на итальянском и *dzieje* на польском» [Woolf. P. 2].

В древнегреческой мифологии «термин «муза» обозначает любую из девяти дочерей Зевса и богини памяти Мнемозины, которые считались покровительницами определенных искусств и наук и отвечали за них. В своей мудрости греки назначили этих Муз — девять дочерей (богинь) — всем известным тогда дисциплинам, и Клио стала музой истории. Соответственно, в академическом дискурсе **Клио просто означает историю**» [Adjepong et al. P. 324].

Однако мифопоэтический мыслеобраз Клио заслуживает тщательного рассмотрения — как возможной носительницы базового алгоритма исторической науки, подчиняющегося строго определенным закономерностям, причинно-следственным связям и циклическим процессам. Среди девяти муз семь стали покровительницами искусств, более всего ценимых древними греками, в том числе поэзии, трагедии и комедии. И только две получили в качестве сфер ответственности науки — астрономию (Урания) и историю (Клио). Эти науки уже в тот период фактически считались фундаменталь-

ными отраслями человеческих знаний, и этот их статус сохранился вплоть до наших дней. тот факт, что Урания и Клио являлись сестрами, дает основания предположить, что в сознании древних греков астрономия и история являлись родственными дисциплинами, воплощая общие базовые закономерности мироустройства Небесной (астрономия) и Земной (история) сфер. В этой логике, подобно тому как астрономия — от древнегреческих слов ***ἄστρον*** (звезда) и ***νόμος*** (закон), — базируется на законах небесной механики, так и история зиждется на не менее строгих закономерностях хода исторических процессов.

В основе общности астрономии и истории в понимании древних греков лежала циклическая природа небесных и земных явлений и процессов. Цикл дня и ночи и смена времен года проистекали из закономерностей движения небесных тел. Рождение и смерть самих греков также подчинялись циклической закономерности. Цикличность природных и социальных процессов упорядочивала хаотичность повседневной жизни: «суть цикла заключалась в устранении изменчивости, а смысл циклического понимания времени в конечном итоге вел к устранению самого времени» [Liu, Huang. P. 93]. Последнее достаточно парадоксальное умозаключение проистекает из античного фаталистического понимания сути истории, согласно которому она была всего лишь повторением предопределенных событий, неподвластных человеческой воле. Таким образом, для древнегреческих историков история не имеет начала, конца или цели, а является лишь круговым повторением событий, главным образом — разрушительных войн, периодически сотрясавших Пелопоннесский полуостров.

Древнегреческие поэты и рапсоды, такие как Гесиод и Гомер, жившие и творившие в период примерно от 750 до 650 г. до н.э., указывали на инспирации духовного мира при создании своих мифологических поэм. Например, Гесиод в «Теогонии» так охарактеризовал роль муз в своем становлении:

Песням прекрасным своим обучили они Гесиода.
В те времена, как овец под священным он пас Геликоном.
Прежде всего обратились ко мне со словами такими
Дщери великого Зевса-царя, олимпийские музы:

«Эй, пастухи полевые, несчастные, брюхо сплошное!
Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»
Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса [2].

Гесиод свидетельствует о своем прямом общении с музами, при этом многозначительно добавляя, что их наставничество свелось к тому, что они научили его отличать правду от лжи. Как указал в этой связи известный американский специалист по античности проф. Т. Скэнлон, эта оговорка «также согласуется с греческим представлением о том, что поэты и пророки не могут раскрыть волю богов без загадочного затемнения» [Scanlon. P. 8].

Представители более позднего периода в эволюции древнегреческой историографии, считающиеся основоположниками «письменной» исторической науки, такие как Геродот (484–425 гг. до н.э.) и Фукидид (460–400 гг. до н.э.), также напрямую связали свои труды с влиянием муз. Каждая из девяти книг, составляющих «Историю» Геродота, посвящена той или иной из муз, причем первая книга — как раз Клио, и она начинается с весьма примечательного пассажа: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния, как эллинов, так и варваров, не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [Геродот. С. 2].

Фукидид в «Истории Пелопоннесской войны» раскрыл содержание своего метода, который исходил из периодической повторяемости исторических событий, главным образом войн. Он сделал особый упор на том, что его «труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей». «Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными» [Фукидид. С. 17].

Вышеприведенные сентенции древнегреческих авторов свидетельствуют, что субъективно воспринимаемое ими духовное водительство муз, в том числе Клио, вдохновляло историков на протяжении веков. Этот вывод побуждает более внимательно отнестись к дошедшему до нас содержанию рисуемого древнегреческим мифом образа Клио, духовной родоначальницы исторической науки. Свое имя муза истории получила от греческого слова *kleos*, что означает «слава» или «известность» и отражает ее роль в сохранении памяти о значимых событиях и личностях.

Самым знаковым атрибутом образа Клио является книга в ее руках, символизирующая письменные записи об исторических событиях и творивших их героях. Принято считать, что она содержит простую хронологию исторических событий, сформатированных в линейной последовательности. Но если учесть, что древние греки воспринимали историю как повторяемый циклический процесс, исторический круговорот, подобный смене времен года, то книга Клио содержит не только летопись событий прошлого, но и является сценарным сюжетом возможных событий будущего. В итоге этот образ говорил о возможности духовного воздействия на ход исторических процессов и даже управления ими, основанного на их периодической повторяемости (говоря современным языком — программируемости) в потоке исторического Времени.

При такой трактовке роли Клио в исторических процессах в античные времена, в несколько иных ракурсах предстают еще три символа, неразрывно связанных с ее образом: лира, лавровый венок и труба. С их помощью она по сути и «управляет» ходом очередного исторического цикла, «память» о котором задана предыдущим кругообо-

ротом событий. Основное назначение ***лиры*** – с помощью поэзии и песен обеспечить повторение на этапе нового исторического цикла основных прошлых сценариев. ***Лавровый венок*** призван отметить (или не отметить) выдающуюся роль, сыгранную очередным актером в исторической «трагедии» или «комедии» жизни, а ***труба*** возвещает об успешном окончании очередного исторического цикла.

Тем самым Клио в художественных (нарративных) образах сохраняет историческую память о прошлом путем не только ***увековечивания*** его событий и имен, но и предавая забвению те эпизоды минувшего, которые ***надлежит забыть***.

Центральная роль образа Клио сохранилась вплоть до наших дней, поскольку и сейчас она «остается мощным символом важности истории, напоминая современникам, что понимание прошлого имеет важное значение для прокладывания куса в будущем. Клио зримо воплощает идею о том, что история — это не просто запись того, что произошло, но источник мудрости, самобытности и культурной преемственности» [Clio].

Отметим, что культурологические войны англо-американских историков в XXI в. породили следствие, которое испанский историк Х. Фернандес охарактеризовал как повторное «возведение на трон» Клио. Аналитическая историческая наука имела практически непреодолимые барьеры для изучения и постижения далекого прошлого, поскольку брала за основу анализа мифы и труды древних историков. В частности, история античности в изложении современных ученых неизменно была и будет не чем иным, как интерпретационным нарративом — старым или новым, но она никогда не будет иметь «прямого доступа к прошлому» [Fernández. P.12].

В условиях кризиса академической исторической науки на Западе история, понимаемая и как нарратив, и как сухой текст, должна быть «блестяще риторически изложена», пронизана «поэтическим воображением», призванным в конечном итоге постигнуть историческую истину. Как подчеркивает испанский историк, «на протяжении последних двух тысяч лет риторика ценилась всегда; поэтическое воображение — не так часто; а язык как средство открытия миров — почти никогда. Западная историческая академическая среда страдает от постоянной *семиофобии*» [Fernández. P.17].

Однако американская историография зарождения и первых этапов становления США всегда стояла особняком от основных течений западной историографии, поскольку с самого начала строилась на представлениях об американской исключительности и «явном предначертании».

«Божественное предначертание» как «книга судьбы» североамериканской цивилизации

С момента своего рождения 4 июля 1776 г. США позиционировали себя как наследников идей демократии Античной Греции и государственности Древнего Рима. В специальной публикации Фонда адвокатов шт. Индиана, посвященной характеристике ан-

тичных истоков США, подчеркивается, что «одним из наиболее значительных вкладов Древней Греции в государственное устройство Соединенных Штатов является идея демократии. В древних Афинах граждане имели право участвовать в принятии решений и высказываться о том, как должно осуществляться управление их городом-государством» [Ancient Roots...].

Не менее значимое влияние Древнего Рима выразилось в том, что США заимствовали у римлян «концепцию разделения властей, разделив свое правительство на три ветви: исполнительную, законодательную и судебную. Эта система обеспечивала баланс сил, предотвращая чрезмерную концентрацию власти в руках какого-либо лица или группы лиц» [Там же].

Стремление отцов-основателей США, таких как Дж. Вашингтон, Дж. Адамс, Т. Джефферсон и Дж. Мэдисон, во всем «подражать античности» сказалось и на архитектуре столицы США. Важнейшее здание г. Вашингтона — Капитолий — заимствовало многие элементы своего облика у древнеримского Пантеона. Впоследствии здания Центрального железнодорожного вокзала, мемориала Линкольна, Национального архива, Верховного суда, Национальной галереи искусств и мемориала Джефферсона также строились «по образу и подобию» сооружений Древнего Рима.

Однако самое большое влияние на умонастроения отцов-основателей США оказали Геродот, Фукидид и другие античные историки, чьи труды оставались во второй половине XVIII в. единственным источником информации о политическом и государственном устройстве древнегреческих полисов и Римской республики. Основатели США усиленно штудировали их работы, «сочинения Фукидида, Тацита, Ливия, Саллюста, Полибия, Плутарха и, прежде всего, Цицерона постоянно цитировались основателями в защиту республиканизма, основанного на идеях Просвещения. Наряду с политическими сочинениями, похвалы часто удостаивались деятели, известные образцовой нравственностью, — как пример для подражания» [Meany]. При этом создатели США были прямо-таки загипнотизированы «красноречием античных историков, их искусством повествования и почти всеобщим восхищением, которое вызывали их труды, — все это вместе взятое способствовало подавлению их инстинктов критического отношения к античности. Они буквально восприняли тексты их сочинений как собственные догматы веры, в значительной мере проигнорировав аристократические и иные наклонности античных историков» [Richard. P. 21].

Отцы-основатели США стремились не только положить в фундамент американской государственности идеи и представления античных историков, но и создать на Североамериканском континенте республику, которая явилась бы «живым» примером для современного мира. Б. Франклин, по праву считающийся «интеллектуальным архитектором» США, в своем благодарственном письме испанскому принцу Габриэлю Испанскому за присланный сборник трудов древнеримского историка Гая Саллюстия Криспа, с сожалением отмечал, что никаких равных по значимости творений американских авторов он ему послать не может, поскольку «музы едва ли успели посетить наши отда-

ленные регионы». Но в письме выражалась надежда, что в скором времени он вышлет документы о «первых шагах» молодого американского государства, «которое, по всей видимости, вскоре будет играть важную роль в делах человечества» [The Works… P. 93].

Дж. Вильсон, юрист, политик и государствовед, числящийся соавтором Дж. Мэдисона в составлении Конституции США, прямо указал на роль и влияние Фукидида в создании молодой американской республики, подчеркнув, что «если когда-нибудь в будущем появятся новые Ксенофонты Афинские или Фукидиды, чтобы отдать должное добродетелям и поступкам основателей Америки, то только по причине того, что ее слава будет равна или даже затмит славу Греции» [Richard. P. 20].

С трудами древнегреческих и древнеримских историков, которые легли в идейный фундамент США при их конституировании, Североамериканский континент не мог не стать восприимчивым и к духовным инспирациям музы истории Клио. Прежде всего это выразилось в создании основополагающего мифа, необходимость которого «по очевидным причинам ощущалась нацией, основанной в порядке эксперимента и поддерживаемой иммиграцией» [Donoghue. P. 7]. «В Соединенных Штатах, чья история в очень большой степени является историей трансформации протестантизма в гражданскую религию, основополагающий миф принял форму мифа о завете. Считается, что нация с самого начала взяла на себя обязательство, будь то перед Богом, историей или человечеством, соблюдать определенные принципы и что задача историка — выяснить, как было принято это обязательство, каковы эти принципы и был ли завет соблюден или ему позволили утратить силу» [Там же].

Следует иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство: в отличие от древнегреческих мифов, которые относились к давно канувшей в Лету цивилизации, американский (почти библейский!) миф об Америке как о «***граде на холме***», возникший уже в 1630 г. в мироощущении первых поселенцев из Англии на территории современного штата Массачусетс и ставший главной составляющей мифологии США, лег в фундамент *американской мечты* практически всех американских поколений. Мифологема «града на холме» остается «живым» мифом. Как отмечал американский поэт и публицист Дж. Парини, «*идея* Америки — так называемая американская мечта, которая лежит в основе нашего национального нарратива, — по-настоящему появилась с Декларацией независимости, успешной войной за отделение от Великобритании и принятием Конституции, выразившей представление Америки о своем идеальном «я» в юридических терминах, которые приобрели почти религиозный ореол» [Parini. P. 54].

Именно изначальная религиозная составляющая мифологемы «града на холме» с течением времени выдвинула на первый план культурный архетип божественного Провидения, которое, как утверждается, на всем протяжении становления и существования США направляет их на тернистом пути цивилизационного восхождения к вершинам эволюционного развития. И одним из главных проявлений направляющей роли Провидения в развитии Америки стали преподноситься почти мистические совпадения в летописи исторических событий, переживавшихся американским обществом.

Первым совпадением такого рода явилась одновременная кончина 4 июля 1826 г. двух отцов-основателей США — второго и третьего президентов Дж. Адамса (1735–1826) и Т. Джефферсона (1743–1826). Причем случилось это не просто в день национального праздника, а в 50-ю годовщину рождения страны. Двойное совпадение произвело неизгладимое впечатление на Америку, в глазах которой стечения обстоятельств было «явно недостаточно, чтобы объяснить произошедшее: это казалось очевидным для американцев в 1826 г., как и для их современных соотечественников. Жутковатые события того эпохального Дня независимости предполагали вмешательство сверхъестественных сил, смешавших смерть и преданность столь впечатляющим образом, что представители всех вероисповеданий, равно как и неверующие, увидели в американских делах руку судьбы. Даже теперь, после почти двухсот лет бурной истории, воспоминания о том четвертом июля могут заставить даже наиболее скептически настроенных ученых признать странные, чудесные аспекты в становлении Республики и вновь обратиться к старой, приводящей в замешательство идее о том, что Бог проявляет особую нежность к американскому эксперименту» [Medved. P. 1].

Именно мистические события подобного рода привели к появлению в середине 1840-х годов еще одной резонансной мифологемы — о «явном предначертании» Америки («Manifest Destiny»). Аллегорию этой мифологемы в 1872 г. изобразил американский художник немецкого происхождения Дж. Гаст на картине «Американский прогресс». Это полотно, ставшее самой его известной работой, вплоть до настоящего времени изучается в курсе американской истории в средних школах и университетах (рис. 1).

Рис. 1. Американский прогресс (Дж. Гаст, 1872 г.)

Картина Дж. Гаста периодически использовалась для различного рода интерпретаций «предопределенности» пути американского исторического развития в том или ином плане — от географической экспансии США к Тихоокеанскому побережью до современной трансформации в глобальную сверхдержаву. В XXI же столетии полотно все чаще служит иллюстрацией в ходе критического переосмысления идеалов прогресса и процветания, ассоциируемых с XIX в.

Крайне важно, что картина Дж. Гаста представляет американскую историю в виде мифологического нарратива. В центре картины изображена Колумбия — богоподобный образ самой Америки, которая «из духовных высей» направляет американское общественное развитие. Каноническая трактовка изображения сводится к тому, что в правой руке Колумбия «держит книгу — обычный школьный учебник — символ образования и свидетельство нашего [американцев] национального просвещения, а левой рукой разворачивает и натягивает тонкие провода телеграфа, которые должны передавать информацию по всей стране» [Sandweiss].

Вместе с тем, как отмечают сами американские историки, «картина намекает на прошлое, представляет фантастическую версию развивающегося настоящего и, наконец, излагает видение будущего. Статичная картина передает динамичную историю» [Там же]. Таким образом, ее вполне можно интерпретировать как наглядное представление прафеномена американской истории. По всей видимости, это *европейский взгляд* на американскую историю, поскольку художник Дж. Гарт длительное время жил и учился в Берлине и Париже. (В связи с этим можно вспомнить, что, например, самый известный панегирик американской демократии принадлежит французу А. де Токвилю.)

Проамериканские представления европейцев об Америке были всегда окрашены в мифологические тона, в отличие от нередко «приземленных» взглядов самих американцев. Наиболее ярким символом здесь служит Статуя Свободы в г. Нью-Йорке, подаренная Соединенным Штатам Францией в середине 1880-х годов. Богиню Колумбию вполне можно представить как музу американской истории, и тогда книга «американской Судьбы» в ее правой руке вполне соответствует аналогичному фрагменту изображения Клио, созданного французским художником П. Миньяром в 1689 г. Да и сама мифологема «предопределенности судьбы» предполагает алгоритм предсказуемости и программируемости исторических процессов в прошлом и будущем. Кроме того, на картине Дж. Гаста имеется одна необъясненная деталь: бухта проволоки висит на правой руке богини и непосредственно примыкает к книге. Можно предположить, что проволока означает невидимые «духовные скрепы», которые трансформируют исторические сценарии в повседневную реальность.

Индейцы, изображенные на картине, в ужасе бегут скорее не от американцев как таковых, а от Колумбии. С учетом этого «Американский прогресс» Дж. Гаста можно трактовать как столкновение «не на жизнь, а на смерть» двух фундаментально разных представлений о ходе исторического времени. Проводная связь и виды транспортных средств, изображенные на картине, однозначно выражают линейное понимание хода

(«нарастающего и прогрессирующего») исторического времени, привнесенное переселенцами из Европы и радикально расходящееся с античными взглядами на историю, равно как и с представлениями коренных народов Северной Америки.

Статья II следует

Примечания

1. С наступлением XXI в. Ф. Фукуяма стал постепенно отходить от резонансного словосочетания «конец истории» и последовательно развивать идею о том, что история продолжается, поскольку имеет место поступательный научно-технический прогресс, главным образом, в сфере информационно-коммуникационных технологий. Однако после президентских выборов 2016 г., когда Д. Трамп стал 45-ым президентом США, наступил «конец конца истории» 1989 г., и эта не менее резонансная концовка историко-философских метаний профессора Стэнфордского университета заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее. В октябре 2018 г. британское издание New Statesman вышло с кричащим заголовком: «Ф. Фукуяма говорит, что социализм должен вернуться». В ходе интервью американский философ заявил: «...всё зависит от того, что вы подразумеваете под социализмом. Собственность на средства производства — за исключением тех областей, где она явно необходима, например, коммунальные предприятия — я не думаю, что это сработает. Если же вы имеете в виду программы перераспределения, которые пытаются исправить тот большой дисбаланс доходов и богатства, который возник, то да, я думаю, что социализм не только может, но и должен вернуться. Длительный период, начавшийся при Рейгане и Тэтчер, в течение которого укоренились определенные идеи о преимуществах нерегулируемых рынков, во многом имел катастрофические последствия... На данном этапе мне кажется, что некоторые вещи, сказанные Карлом Марксом, оказываются правдой. Он говорил о кризисе перепроизводства... о том, что рабочие будут бедствовать, а спрос будет недостаточным» [Eaton]. Это высказывание Ф. Фукуямы лучше всяких слов говорит о том, что исторический процесс не является линейным, а подчиняется циклическим закономерностям.

2. См. Гесиод. Полное собрание текстов. Москва: Лабиринт. 2001. С. 21.

Литература

Геродот. История. М. 2004. 638 с.

Рудакова А.Л. Концепция конца истории Ф. Фукуямы и её антропологический смысл // Вестник МГОУ. 2015. № 4. С. 110-118. — DOI: 10.18384/2310-7227-2015-4-110-118 (дата обращения: 18.09.2026).

Фукидид. История. Москва. 2022. 896 с.

Фуко М. Археология знания. СПб. 2004. 416 с.

Adjepong A., Oppong Ch., Kachim J. 'Clio' in Danger: The Causes, Condition and Consequences of the Decline of Interest in History in Perspective // E-Journal of Humanities, Arts and Social Sciences. 2023. Vol. 4. No. 3. P. 324–356. — URL: doi.org/10.38159/ehass.20234312 (date of access: 19.09.2026).

Ancient Roots of the United States Government: Greek and Roman Influence. // Indiana Bar Foundation. — URL: inbarfoundation.org/wp-content/uploads/2023/11/Standard-15-Lesson-3-Greek-and-Roman-Influences-on-the-US-Government-1.pdf (date of access: 21.09.2026).

Benvenuto S. Michel Foucault: Telling the Truth on the History of Truth // Philosophy World Democracy. 29 October 2024. — URL: philosophy-world-democracy.org/posts/article/michel-foucault-telling-the-truth-on-the-hi... (date of access: 15.09.2026).

Clio. // Clio History Society. — URL: clio-society.com/?page_id=13 (date of access: 20.09.2026).

Deere D. Truth. // The Cambridge Foucault Lexicon. / Ed. by Lawlor L., Nale J. Cambrige. 2014. P. 517–527. — URL: philpapers.org/archive/DEEQ.pdf (date of access: 19.09.2026).

Donoghue D. Introduction. // On the American Narrative. // Dædalus. Journal of the American Academy of Arts & Sciences. Winter 2012. P. 5–10. — URL: amacad.org/sites/default/files/daedalus/downloads/Wi2012_On-American-Narrative.pdf (date of access: 21.09.2026).

Eaton G. Francis Fukuyama interview: "Socialism ought to come back". The End of History author on what Karl Marx got right, the rivals to liberal democracy and why he fears a US-China war // The New Statesman. 17.10.2018. — URL: newstatesman.com/politics/2018/10/francis-fukuyama-interview-socialism-ought-come-back (дата обращения: 20.09.2026).

Fernández J. The Ages of Clio: What a semiotic history of historiography looks like. 2017. P. 12. — URL: academia.edu/43158871/The_Ages_of_Clio_What_a_semiotic_history_of_historiography_looks_like (date of access: 21.09.2026).

Haapala P. Experience and Explanation: What the History of Experiences Can Add to Historical Understanding // Cultural History. February, 2025. Vol. 13. Issue supplement. P. 10–34. — DOI: 10.3366/cult.2024.0317 (date of access: 19.09.2026).

Kelly M., Rose A. Theories of History, History Read across the Humanities. N.Y. 2018. 264 p.

Kleinberg E. Hayden White: In Memoriam // The Historian. 2018. Vol. 80. Issue 4. P. 691–704. — URL: doi.org/10.1111/hisn.12998 (date of access: 19.09.2026).

Liu Z., Huang A. The Evolution of the Concept of Time: From the Cyclical Theory of Ancient Greece to the Ontological Reconstruction of Modern Subjective Rationality // Journal of Research in Philosophy and History. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 92–97. — URL: dx.doi.org/10.22158/jrph.v8n1p92 (date of access: 20.09.2026).

Meany P. First Principles: What America's Founders Learned from the Greeks and Romans and How That Shaped Our Country (Book Review) // Cato Journal. Spring/Summer 2021. — URL: cato.org/sites/cato.org/files/2021-05/cj-v41n2-20.pdf (date of access: 21.09.2026).

Medved M. The American Miracle: Divine Providence in the Rise of the Republic. N.Y. 2016. 416 p.

Parini J. The American Mythos. // On the American Narrative. // Dædalus. Journal of the American Academy of Arts & Sciences. Winter 2012. P. 52–60. — URL: amacad.org/sites/default/files/daedalus/downloads/Wi2012_On-American-Narrative.pdf (date of access: 21.09.2026).

Paul H. A Loosely Knit Network: Philosophy of History After Hayden White // Journal of the Philosophy of History. 2019. Vol. 13. Issue 1. P. 3-20. — DOI: 10.1163/18722636-12341413 (date of access: 19.09.2026).

Philosophy of History. Twenty First Century Perspectives. / Ed. by Kuukkanen J.-M. London, N.Y. 2021. 312 p.

Priest R. Culture War: A Useful Category of Historical Analysis? // History Workshop Journal. Vol. 100. Issue 1. Autumn 2025. P. 101–121. — URL: doi.org/10.1093/hwj/dbaf021 (date of access: 19.09.2026).

Richard C. Greeks and Roman Bearing Fifts. How the Ancients Inspired the Founding Fathers. N.Y. 2008. xi+203 p.

Sandweiss M. John Gast, American Progress, 1872. // Picturing U.S. History. — URL: web.archive.org/web/20140615021554/http://picturinghistory.gc.cuny.edu/item.php?item_id=180 (date of access: 21.09.2026).

Scanlon T. Greek Historiography. Oxford. 2015. 315 p.

White H. Metahistory: Thye Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore. 1973. 448 p.

Woolf D. A Concise History of History. Global Historiography from Antiquity to the Present. Cambridge. 2019. 358 p.

The Works of Benjamin Franklin in Twelve Volumes. Federal Edition. // Ed. by Bigelow J. Volume VII. N.Y. 1904. xiv + 456 p.